

В. К. Пичугина

Волгоградский государственный
медицинский университет

РОЛЬ АНТРОПОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX — НАЧАЛА XX В. В РАЗВИТИИ ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

*Гендерное образование в России и за рубежом:
история и современность*

Начиная с 60-х гг. XIX в. в истории развития педагогической антропологии начался новый этап, ознаменовавшийся появлением многочисленных концепций «суммативной педагогической антропологии» (термин А. Я. Данилюка). По мнению Э. Д. Днепров, «жизнь предъявляла счет педагогике» [3: 64], а потому назрела необходимость в педагогической антропологии. Как считает Б. М. Бим-Бад, это не было случайностью: «Отмена крепостного права ломала многие стереотипы ... все более популярными становились гуманистические идеи. Необходима была педагогика, ориентированная на сохранение и совершенствование человеческой природы, а не только на передачу и умножение человеческого знания» [1: 15].

Педагогическая антропология второй половины XIX — начала XX в. стала той областью, в которой наблюдалось совпадение многочисленных запросов. В детальной разработке антропологической основы педагогики Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский, П. Ф. Лесгафт видели возможность приведения системы образования в соответствие с реальными потребностями страны. Кроме того, их антрополого-педагогические концепции стали катализатором рассмотрения острейшего вопроса о необходимости полноценного женского образования.

В основе антрополого-педагогической концепции анатома, хирурга и педагога *Н. И. Пирогова* лежало новое понимание воспитания, которое только тогда способно ответить на основные вопросы жизни, когда исходит из способностей и темперамента каждого конкретного ребенка. Педагог убедительно доказал, что педагогика как наука о передаче знаний, пренебрегающая внутренним состоянием ребенка, нецелесообразна. Необходима педагогика как наука о совершенствовании человеческой природы. Обращаясь к педагогам и родителям, Н. И. Пирогов предупреждал их возможные ошибки: «Не спешите с вашей прикладной реальностью! Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время...» [9: 29]. Современное ему воспитание Н. И. Пирогов считал однообразным, а число талантливых и добросовестных воспитателей настолько малым, что они в принципе не способны изменить сложившуюся ситуацию. В основной своей массе воспитатели и родители пренебрегают внутренним состоянием ребенка, не стремясь раскрыть в нем истинное предназначение. По Н. И. Пирогову, педагогика должна черпать средства из природы человека, оберегая «ценность детской души». Педагоги и родители не должны забывать про удивительный мир детства, «мир, в котором сами некогда жили» [6].

К реализации на практике своей антрополого-педагогической концепции Н. И. Пирогов подошел с точностью и аккуратностью опытного врача. Основоположник практической хирургии, обладающий достаточными знаниями по анатомии, физиологии и патологии человека, которые позже К. Д. Ушинский отнесет к кругу антропологических наук, Н. И. Пирогов сумел преодолеть естественнонаучный подход к ребенку. Замыслы Н. И. Пирогова на должности попечителя Одесского учебного округа поражали педагогов и чиновников масштабностью. С первых дней работы он стремился внушить преподавателям мысль о необходимости широкого доступа к образованию представителей всех национальностей и сословий, а также пересмотра их взглядов на проблему женского образования. Параллельно Н. И. Пирогов приступил к написанию докладной записки «О ходе просвещения в Новороссийском крае и о вопиющей необходимости преобразования учебных заведений», которая в январе 1857 г. была отправлена в Министерство народного просвещения. Не дожидаясь официального одобрения, в 1858 г. с разрешения Н. И. Пирогова был открыт трехклассный девичий пансион (в дальнейшем ставший Мариинской гимназией), в котором педагог давал показательные уроки естествознания и анатомии. Тем самым был сделан шаг вперед в женском образовании.

В антрополого-педагогической концепции *К. Д. Ушинского* были заложены основы специального изучения человека как воспитуемого и воспитателя, необходимые для согласования педагогической теории и практики с природой человека. По мнению К. Д. Ушинского, современная ему педагогика и антропологические науки, на которые она должна опираться, недостаточно совершенны и находятся «в полном младенчестве». Тем не менее ученым необходимо осознать их потенциал. К. Д. Ушинский утверждал, что «воспитатель, не знакомый с физическими и психическими свойствами человеческой природы», способен не только сделать множество ошибок, но и, подобно Сенеке, воспитать жестокого и безнравственного Нерона [10: 17]. При правильном подходе ребенок будет восприниматься как «предмет восприятия» и комплексно развиваться, а педагогика со временем преодолеет односторонность и сможет, целенаправленно изменяя не только душу, но и тело, уберечь ребенка от серьезных болезней в будущем.

Своей теоретической и практической деятельностью К. Д. Ушинский стремился упразднить то, что не делает воспитанника «ни на волос счастливее прежнего», и приблизить «открытие средств к образованию ... такого характера, который противостоял бы напору всех случайностей жизни» [10: 18—19]. Именно поэтому в Смольном институте педагог не только стремился изменить устаревшие учебные планы, но и отстаивал необходимость изменения характера взаимоотношений воспитателя и воспитанника. Кроме того, новым инспектором была нарушена специфика данного учреждения, тесно связанного с царским двором: уменьшился удельный вес изучения светских манер и обязанностей будущей жены и матери, и девушки стали получать более серьезное научное образование.

Одна из воспитанниц, Е. Н. Водовозова, так пишет о Смольном институте: «Из глухого деревенского захо-

лустья ... я попала в институт, который был в ту пору закрытым интернатом, отделенным высокими стенами от всего человеческого... Я воспитывалась в Смольном тогда, когда в него не проникала ни одна человеческая мысль ... при мне в его стенах ... появился Ушинский». По мнению Е. Н. Водовозовой, именно с появлением нового инспектора «гнилостные устои института» были подорваны [8]. До этого на уроках воспитанницы не имели права задавать вопросов учителю, а на экзаменах должны были воспроизводить заученные и исправленные учителями ответы на уже известные вопросы. К. Д. Ушинский настоял на том, чтобы экзамены проходили по правилам, а урок носил характер живых бесед. Иными словами, антропологический принцип был применен К. Д. Ушинским не только ко всей педагогической системе, но и к каждой конкретной воспитаннице в частности. Е. Н. Водовозова в заключении своих воспоминаний о К. Д. Ушинском писала: «Много десятков лет прошло с тех пор ... но до сих пор не могу забыть пламенную речь этого великого учителя, которая впервые бросила человеческую искру в наши головы...» [7]. Анализ мемуаров и переписки современников и учеников К. Д. Ушинского показал, что педагог старался сделать все от него зависящее, чтобы в Смольном институте не осталось «воспитательниц, которые сомневались в необходимости чистого воздуха для организма» в прямом и переносном смысле. Все его преобразования стали своеобразным глотком свежего воздуха как для воспитанниц, так и для прогрессивных педагогов и педагогики в целом.

В основу антрополого-педагогической концепции педагога, анатома и врача П. Ф. Лесгафта положен принцип всестороннего развития ребенка. Целью педагогической деятельности, по П. Ф. Лесгафту, должно быть воспитание в обществе гуманного отношения к детям, основанного на любви и уважении к маленькому человеку. По его мнению, антропология как одна из биологических наук должна быть необходимым основанием педагогики, без которой последняя является «беспочвенной» [4: 370]. В рамках педагогической антропологии П. Ф. Лесгафт считал важным выяснить законы роста и развития человека с учетом социального положения, наследственности, темперамента, возраста и пола. Педагог должен знать природу ребенка и безошибочно понимать причины наблюдаемых явлений.

Следует отметить, что поиском подтверждения теоретически сформулированных «основных положений педагогики» П. Ф. Лесгафт занимался с 1868 г., когда его утвердили в должности прозектора Медико-хирургической академии, а затем заведующего кафедрой физиологической анатомии Казанского университета. На его открытых занятиях по анатомии присутствовали не только юноши, но и девушки, что стало своеобразным выражением позиции П. Ф. Лесгафта по вопросу о женском образовании. Добившись в 1896 г. открытия курсов воспитательниц, руководительниц физического образования, он по сути дела организовал первые в России курсы человекознания, где давалось уникальное антропологическое образование. Настойчивые попытки педагога уравнивать женщин и мужчин в праве на образование объяснялись тем, что

гарантом правильного воспитания в семье для П. Ф. Лесгафта была хорошо образованная и мудрая мать. Именно такая женщина никогда не допустит оскорбления ребенка, оградит его от унижений, которые неизбежны при побоях, укрепит его представления о нравственности. П. Ф. Лесгафт отмечал: «Нужно видеть ребенка, которого никогда никто не оскорблял и не касался его личности, чтобы убедиться в том, насколько он чутко относится к людям и как близко он принимает всякое наносимое оскорбление. Такой ребенок всегда очень впечатлителен и более способен к образованию» [5: 217]. По мнению П. Ф. Лесгафта, только от образованности женщины зависит, станет или не станет ребенок «куклой, существующей для потехи взрослых».

Таким образом, можно констатировать, что уникальность антрополого-педагогических концепций Н. И. Пирогова, К. Д. Ушинского, П. Ф. Лесгафта заключена в том, что они обусловили возрождение потребности в изучении человека как целостной ценности, бытовавшей еще в античности, но впоследствии разрушенной дифференциацией наук в целом и антропологии в частности. Кроме того, они разделили ответственность за качество воспитания и жизни ребенка между педагогами и родителями. При этом педагоги подчеркивали, что роль матери как самого близкого ребенку человека, который и должен узнать его «во всех отношениях», нельзя переоценить. Тем самым была не только теоретически обоснована необходимость скорейшего доступа к полноценному образованию женщин, но и сделаны первые шаги в данном направлении в педагогической практике.

Литература

1. Бим-Бад Б. М. Педагогическая антропология: учеб. пособие / Б. М. Бим-Бад. М.: УРАО, 1998. 575 с.
2. Данилюк А. Я. Развитие педагогической антропологии в контексте русской культурной традиции / А. Я. Данилюк // Педагогика. 2003. № 1. С. 82—88.
3. Днепров Э. Д. Социальные и научные истоки «Педагогической антропологии» К. Д. Ушинского / Э. Д. Днепров // Труды кафедры педагогики, истории образования и педагогической антропологии. М., 2001. Вып. 2. С. 51—64.
4. Лесгафт П. Ф. Антропология и педагогика / П. Ф. Лесгафт // Избранные педагогические сочинения / сост. И. Н. Решетень. М.: Педагогика, 1988. С. 366—375.
5. Лесгафт П. Ф. Семейная жизнь ребенка / П. Ф. Лесгафт // Избранные педагогические сочинения: в 2 т. М., 1951. Т. 1. С. 210—218.
6. Научно-педагогический архив РАО. Ф. 31. Оп. 2. Ед. хр. 291.
7. Научно-педагогический архив РАО. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 2.
8. Научно-педагогический архив РАО. Ф. 74. Оп. 1. Ед. хр. 3.
9. Пирогов Н. И. Вопросы жизни / Н. И. Пирогов // Избранные педагогические сочинения. М., 1985. С. 29—51.
10. Ушинский К. Д. Человек как предмет воспитания: Опыт педагогической антропологии / К. Д. Ушинский. М., 2004. С. 17.